

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-118-134>

УДК 008+391.2

ББК 63.5+71.0

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Е. Ю. Скачкова

г. Санкт-Петербург, Россия

**СВАДЕБНАЯ ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА
КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЮЖНОРУССКОМ СЕЛЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация: Традиционная одежда являлась неотъемлемым атрибутом духовно-культурного пространства южнорусского села вплоть до XX в. В связи с разрушением традиции и последующими изменениями семантики и семиотики народной одежды в XX–XXI вв. возникает необходимость прояснить основное духовно-культурное содержание традиционного костюма. В качестве объекта исследования выбрана свадебная обрядовая одежда ряда сел Пензенской области ввиду ее высокого семиотического статуса и хорошей сохранности, чем обусловлен обширный полевой материал. Эмпирическую базу работы составляют этнографические описания исследуемых регионов бытования свадебного костюма, частные коллекции, музейные фонды и фотоархив автора, сформированный в результате экспедиций 2018–2019 гг. В статье рассматривается совокупность всех свадебных комплектов одежды невесты как единая семиотическая система. Контекстом данного феномена выступает непосредственно вся синтагматическая последовательность свадебных обрядов, начиная от сватовства и заканчивая последним днем свадьбы. Свадьба в данном случае рассматривается как обряд перехода жизненного цикла, главным лейтмотивом которого является процесс «умирание-смерть-возрождение». Специальные костюмные комплекты маркируют все этапы перехода (прелиминарный, лиминарный, постлиминарный): «печальные» и «крючинные» одежды постепенно сменяются «добрыми», «веселыми», белые и темные оттенки — на яркие, часто в красной гамме, и, в целом, семантика смерти сменяется семантикой жизни. Исследование также показывает, что свадебные культуры разных сел представляют собой разные семиотические системы, которые функционируют на основе единого принципа перехода, однако некоторые его аспекты и символизация могут быть различны. При этом реализуется сложная взаимосвязь социального и духовного уровней перехода, маркерами которых могут выступать разные характеристики одного и того же костюмного комплекса. В целом, семиотика свадебной обрядовой одежды свидетельствует о единстве духовной и социальной сфер южнорусского села конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: семиотика, семиотика одежды, обряды перехода, свадьба, свадебная одежда, лиминарность, духовная культура, русский традиционный костюм.

Информация об авторе: Елена Юрьевна Скачкова — аспирант, член Русского географического общества, член Русского религиозно-этнографического общества, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, набережная реки Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2446>

E-mail: e.iu.skachkova@gmail.com

Дата поступления статьи: 16.02.2022

Дата одобрения рецензентами: 25.03.2022

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Скачкова Е. Ю. Свадебная обрядовая одежда как феномен духовной культуры в южнорусском селе XIX – начала XX вв.: семиотический аспект // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 118–134.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-118-134>

Введение и постановка проблемы

Традиционная свадебная одежда южнорусского села конца XIX – начала XX вв. всегда привлекала внимание представителей разных сфер научной мысли. Это были самые дорогие, самые сложные костюмные комплексы, обладающие высшим семиотическим статусом по отношению к другим — они передавались по наследству и хранились веками.

Однако исследователи отмечают, что с XVIII по XXI вв. происходила эволюция и даже революция семантики и семиотики русского костюма [7, 16]; этот процесс в той или иной степени затронул всю Россию, в том числе и исследуемые локальные традиции. XX в. внес особенно значительные изменения в жизнь русского села, в связи с чем народная одежда как духовно-культурный феномен практически исчезает и трансформируется в явление совершенно иного порядка. На фоне глобальных политических, общественных, экономических преобразований происходит массовая миграция сельского населения в город, где формируется совершенно иной уклад жизни, в связи с чем носители традиции перестают быть таковыми [3, 7]. Параллельно с этим происходит трансформация восприятия самими носителями культуры народного костюма: будучи некогда семейно-родовым и социальным идентификатором, органичной частью целостной традиции, он становится идентификатором национальным и просто маркером условной «русскости». При этом этнографическая одежда больше не является элементом упорядоченной духовно-материальной культуры, и живет в виде артефактных атрибутов народных праздников и обрядов [3, 7].

Более того, в конце столетия народный костюм претерпевает сакрализацию на основе авторских интерпретаций русской духовной культуры, часто имеющих мало общего с объективной исторической реальностью. В результате в настоящее время в общественном сознании русская народная одежда может восприниматься как явление, связанное со сферой религиозного [3, с. 285–293]. Отчасти данная версия имеет под собой основу — в исторической ретроспективе одежда представляла собой явление духовно-культурного порядка. Однако необходимо прояснить, что подразумевается под духовной культурой, а также, каким образом народная одежда, и, в частности, свадебные костюмные комплексы, ее семиотизируют.

Предмет исследования

Свадебные костюмные комплексы разных локальных традиций могут значительно отличаться друг от друга; более того, вышеобозначенные процессы эволюции

народного костюма могли протекать по-разному в разных регионах России, в связи с чем о целой картине можно рассуждать только на основе совокупности региональных исследований. В данной статье предлагается рассмотреть народную одежду как духовно-культурный феномен именно на региональном уровне.

Таким образом, предметом данного исследования является семиотика свадебной обрядовой одежды как феномена духовной культуры в южнорусском селе конца XIX – начале XX вв. (на примере Пензенской области).

Под свадебной обрядовой одеждой понимается вся совокупность одежды невесты для свадебного цикла (начиная от сватовства, заканчивая послепосадским или послевенчальным «окручиванием»¹ невесты), состоящая из нескольких костюмных комплексов, включающих головной убор и прическу. Данный феномен, как элемент мифоритуалосферы, практически не исследовался комплексно с точки зрения религиоведения в целом и семиотики религии в частности. Как правило, исследования, которые затрагивают данную тематику, — это исследования отдельных элементов одежды, их значения и некоторых функций, без целостного учета семантики, синтагматики и прагматики свадебных костюмных комплексов.

Методология исследования

Методологической базой для данного исследования является религиоведческая парадигма, семиотический подход, метод синхронии и диахронии, а также сравнительный анализ. Особенность семиотических исследований заключается в понимании контекста, в рамках которого функционирует семиотический элемент [17, с. 51]. Контекстом является непосредственно свадебная обрядность, которая с религиоведческих позиций может рассматриваться как *обряд перехода жизненного* цикла [2, с. 9; 6, с. 544]. Ритуалосфера перехода представляет собой церемониальную последовательность, прагматика которой заключается в том, чтобы обеспечить успешный и безопасный переход из одного этапа жизни человека в другой (основными переходами жизненного цикла являются рождение, свадьба, смерть). Свадебный переход представляет собой процесс «*умирание-смерть-возрождение*» и включает в себя три этапа: *прелиминарный* (умирание, обряды выключения из девичьей жизни); *лиминарный* (смерть, кульминация перехода); *постлиминарный* (возрождение, обряды включения в жизнь замужней женщины). Синтагматика свадьбы, соответственно, представляет собой тернарную структуру [4, с. 70]: предсвадебный период соответствует прелиминарному этапу; канун свадьбы, посад и венчание — лиминарному; послепосадский/послевенчальный период — постлиминарному.

Четкие границы этапов обозначить довольно сложно, особенно учитывая то, что культуры разных сел — это разные семиотические системы, в каждой из которых используются свои семиотические коды. В данном исследовании предлагается авторский подход для обозначения границ этапов свадьбы исследуемых регионов, сформированный на основе теоретико-методологической базы [19].

«Язык» свадьбы состоит из семиотических (символических) кодов [4, с. 51]; для данного исследования в первую очередь актуальным является предметный код (костюмные комплексы и их элементы); акциональный (действия участников обрядов); вербальный (песни, причеты, «вопление») и номинативный (названия костюмных комплексов, обрядов, действий участников обряда).

¹ Обряд облачения невесты в костюмный комплекс замужней женщины, включающий головной убор и новую прическу (как правило, две косы, уложенные в форме «рогов» на висках).

Рассматривая свадьбу как обряд перехода, мы можем исследовать одежду как маркер этапов перехода и определить семантику, структуру, синтагматическую последовательность и прагматическую значимость как костюмных комплексов, так и свадебного цикла в целом.

Исследовательское поле

Культура каждого села — это отдельная семиотическая система, где символические коды, в том числе и костюмные комплексы, могут очень сильно различаться. Поэтому для соблюдения семиотической точности исследовательское поле ограничено следующими селами: Секирино, Чернава (Михайловский и Скопинский уезд Рязанской губернии); Вяземка, Большая и Малая Ижморы, Ушинка (Керенский уезд Пензенской губернии); а также Сядемка, Красная дубрава и Кириллово (Спасский уезд Тамбовской губернии). Свадебные обряды и свадебные костюмные комплексы, которые бытовали в данных регионах в период с конца XIX по начало XXI вв., рассматриваются в работах В.Н. Жигулевой, Л.Н. Ивановой, П.И. Кутенкова, Н.И. Лебедевой, Е.А. Самоделовой; присутствуют упоминания о них в описании архивов ИРГО, систематизированных Д.К. Зелениным. Также в качестве первичных источников данного исследования использованы частные коллекции одежды С.А. Глебушкина и П.И. Кутенкова, коллекция фонда Пензенского государственного краеведческого музея и фотоархив автора, сформированный в ходе экспедиций 2018–2019 гг.

Обзор литературы

Проблематика данного исследования отражена частично в работах разных авторов, однако изучена недостаточно целостно в рамках семиотического подхода. А.В. Гура рассмотрел свадьбу как семиотическую систему, выделил ее синтагматическую структуру и предметный код, одним из элементов которого являются обрядовые головные уборы и прическа [4, 6]. Т.А. Бернштам в работе «Обряд “расставание с красотой”», который характерен для прелиминарного и лиминарного этапов свадьбы, обозначила идею «возрастных душ» и рассмотрела ритуальное прощание с девичьей волей/красотой/косой как символ умирания возрастной девичьей души [1]. П.И. Кутенков исследовал знаковую составляющую свадебной одежды Тамбовской, Рязанской и Пензенской губерний, уделив особое внимание мотиву «умирание-смерть-возрождение» и маркированию его посредством специальных костюмных комплексов [11, 12, 13, 14]. В.Н. Жигулева и Л.Н. Иванова описали «печальную» и «кручинную» одежду рязанщины, необходимую для прелиминарного и лиминарного этапов свадьбы, также В.Н. Жигулева выделила «степени кручинности» [8, 9, 10]. В работах Самоделовой Е.А. представлены данные об обрядности рязанской свадьбы, в частности — о довенчальном этапе, свадебной одежде и связанной с ней ритуалистике [18].

Свадьба как обряд перехода жизненного цикла

Прелиминарный этап. Печальная одежда. В селах Секирино, Чернава, Вяземка, Сядемка, Красная Дубрава, Кириллово даже в середине XX в. сохранились традиции, несмотря на глобальные преобразования в стране. В этих регионах первым обрядом в свадебном цикле является сватовство. Сватовство и дальнейшие обряды, во время которых заключается предварительный или основной договор о соединении двух родов, могут называться по-разному: сговор, запой, зарука, заруцка, малое и большое рукобитье, запой, смотренки и т. д. Если стороны пришли к соглашению, то невеста считается просватанной и начинает «печалиться» или «кручиниться», «затуживаться» [15, с. 193] — постепенно приближаться к символической смерти. В основном это выражается на уровне акционального, предметного и вербального семиотических кодов. Невеста всем своим видом выражает печаль: она причитает, укоряет

родителей, что они отдадут ее на «чужую сторонушку», «чужому чуженину» и просит этого не делать, поет песни со схожим содержанием, плачет, прощается с подружками. В этот период ее поведение и контакты с внешним миром строго регламентируются: девушка более не участвует в девичьих увеселениях, ее перемещения по селу ограничены и совершаются только в крайних случаях и с сопровождением, часто она не имеет права общаться с женихом. В селе Вяземка невеста во время предсвадебной «печали» все время находится в избе, а иногда — даже в чулане. Ее «никуда ни при каких случаях из избы не выпускали» — по свидетельству жительницы Вяземки Е. Гаврюшиной, исполнявшей на многих свадьбах роль «стряпухи» [13, с. 27].

Для предсвадебного этапа полагается «печальная» [20, с. 202], «кручинная» [9, с. 21] или «горевая» [21] одежда, а также ритуальное закрытие головы и лица невесты. В селе Секирино уже на запое в costume невесты присутствуют *занáвеска темная* (печальная, с ягодами на темном фоне); на девичнике на невесту накинут *почерный*² платок [12, с. 52; 18, с. 58]. В селе Чернава после малого запоя невеста вплоть до самой свадьбы одевается в печальные белые одежды.

В селе Вяземка, после заруки невеста также облачается в «печальные»³ одежды: *белую рубаху, белый запон*; схожая картина наблюдается в Большой и Малой Ижмо-рах: просватанной невесте после зарузки и запоя также полагается ходить в печальной одежде.

В селах Сядемка и Красная Дубрава после сватовства девушка начинает кручиниться и переодевается в белые кручинные одежды («кручинную сряду») (иллюстрация 1).

а)

б)

Иллюстрация 1 — (а) — Девичья «кручинная» сряда. С. Красная дубрава Спасского уезда Тамбовской губернии. Начало XX в. [10, с. 91]

(б) — «Печальная» рубаха «с репьем». С. Сядемка Спасского уезда Тамбовской губернии.

Конец XIX – начало XX в. Фотоархив автора: частное собрание П.И. Кутенкова, 2018.

Figure 1 — (a) — Girl “Grief” Costume. Tambov Province, Spassk County, Krasnaia Dubrava Village. The Beginning of the 20th Century [10, p. 91]

(b) — “Sad” Shirt “Withburr”. Tambov Province, Spassk County, Syademka Village.

The Late 19th – Early 20th Centuries. The author’s Photoarchive: P.I. Kutentkov Private Collection, 2018.

² С мелкими узорами на черном фоне; также этим же понятием в частных случаях могли обозначаться и другие виды узоров на ткани.

³ Для села Вяземка характерен цокающий говор.

В Кириллово после сватовства и обряда «руку давать» невеста одевается *в белую строченую рубаху*⁴ *с голубыми рукавами*, которая входит в разряд печальных, *в печальный кубовый*⁵ *запон*⁶. При отсутствии отца или матери она может кручиниться *в синем цвете*: на ней надета *белая холицовая строченая рубаха с синими рукавами* (или вся синяя) и *синий запон*⁷.

Таким образом, в этнографических описаниях исследуемых регионов встречаются либо просто упоминания о печальной (кручинной) одежде, либо приводятся конкретные примеры печальных (кручинных) костюмных комплексов или их элементов. Отмечаются разные степени кручины [9, с. 161] или печали — критериями для которых могло быть наличие или отсутствие родителей.

Данный период свадебного цикла исследуемого региона можно обозначить как прелиминарный. Невеста переживает символическое «умирание», которое воспринимается практически так же серьезно, как и физическая смерть. Девушка прощается с привычным ей миром, горюет, причитает. Носит специальную печальную одежду, которая также может использоваться во время похоронно-поминальной обрядности. Ее лицо периодически скрывается под особыми головными уборами, что обозначает ее непринадлежность к «явному миру», инаковость. Все говорит о том, что приходит время смерти «возрастной души» [1, с. 65], и что девушка покидает этот мир, постепенно входя в зону лиминарности.

Лиминарный этап. Одежда высшей степени печали. Ограничим время лиминарности начиная с кануна свадьбы (вечер, ночь и утро перед кульминацией свадебного цикла, во время которых совершались *баный обряд* и *смена прически (расплетание девичьей косы)*) и заканчивая *посадом* и *венчанием* (которое, однако, не всегда считалось необходимым обрядом).

Обрядовая одежда лиминарного этапа также регламентируется, и представляет собой костюмные комплексы высшей степени печали. Это, как правило, одежда темных и белых цветов с редким включением красного; элементами и особенностями костюма также стоит считать распущенные волосы, покрытые голову и лицо.

В Секирино на посад и к венцу невесту одевают по-девичьи: *«печальная рубаха белая, шушка⁸ белая, пакромка на шушку, платок почерному, занавеска⁹ печальная черная, белый платочек»* [12, с. 53]. *«Венчалась я в темной занавеске, бурдовой в проймы, строчной рубахе на стану, в три строки узоры. Венчальную рубаху берегут на смерть, она печальная»* [12, с. 53]. Варианты головных уборов могут быть разные: *ленка¹⁰ с почерным платком; почерный платок с белым платком; платок и накрышка¹¹*. При всем разнообразии внешних форм, общими для головных уборов являются три признака — распущенные волосы, покрытая голова и закрытое лицо. После посада невеста отправляется на венчание с женихом, и во время отъезда *горится*¹².

⁴ В данном случае подразумевается то, что рукава этой рубахи были украшены белой строчевой вышивкой.

⁵ Как правило, в Сядемке «кубовый» обозначает одежду, сделанную из ткани с красными узорами на темном фоне.

⁶ Вид нагрудной женской одежды, закрывающей переднюю часть тела.

⁷ Сделанный из синей ткани с белыми узорами.

⁸ Плечевая одежда мешкообразного кроя, как правило, сделанная из белого сукна.

⁹ Вид нагрудной одежды.

¹⁰ Девичий головной убор в виде повязки.

¹¹ Головное покрывало, часто сшитое из несколько платков или полотен.

¹² Причитает

В Чернаве утром на посад невесту также убирают в свадебные печальные одежды — *в белую шушку, строчную галянку*¹³ и опоясывают *двумя кушаками*. Ее *волосы распущены*, на голове *ленка*, покрыта *посадским строчным полотенцем*, которое хранится после свадьбы на смерть. «Это полотенце берегли, чтобы при погребении накрыть лицо в гробу» [14, с. 51]. Белый цвет как цвет траура считается довольно архаичным [20] но при этом данное исследование показывает, что в первой трети XX в. он оставался траурным цветом в исследуемом регионе.

Таким образом, в Секирино и Чернаве костюмный комплекс невесты, положенный для кульминации свадебного перехода — *посада и венчания* — *печальный девичий. Понева*, как знак социального статуса замужней женщины, одевается уже на постлиминарном этапе, во время обряда *окручивания*. В отличие от этих регионов, в Вяземке, Большой и малой Ижморах, Ушинке, смена социального статуса начиналась во время *посада и венчания*: для этих обрядов невесте полагается надевать *поневу*, которую обычно носят молодые замужние женщины.

Обряд одевания *понева* [15, с. 190; 18, с. 129] на невесту в Вяземке в разное время и в разных семьях мог совершаться крестной, крестным, отцом или матерью. Крестная приходила со своей иконой, обводила *поневу* три раза вокруг невесты и подвязывала на бедрах гашником (20-е гг. XX в.). Это была *красная бабья печальная понева о 3-х яргах* [13, с. 29–30]. Ранее это был другой обряд — девушка заскакивала в *поневу* под ритуальные приговоры [11, с. 62]. Волосы невесты остаются распущенными и покрываются *хатой*¹⁴ и *покрывалом*.

В Большой Ижморе к *посаду невесту одевают в белое печальное одеяние*, и она, уже благословленная, сидит в переднем углу на подушке. Голова и лицо покрывались *полотенцем*, волосы были распущены. На *посаде* проводятся классические *посадские обряды с волосами* [5, с. 183] — невесту расчесывает крестная. В Малой Ижморе существовал обряд прыгания в *поневу*, который совершался перед *Посадом*, *понева* при этом была *печальная о 3-х яргах*¹⁵ [11, с. 62–64].

В Ушинке невесту перед *приездом жениха одевают в поневу*. Эта *понева*, как и все одежды невесты, *печальная*: «*темно-синяя, подольничек узенький, мережка беленькая*, носили ее обычно бабы в печали, а старухи постоянно» [13, с. 53].

В Вяземке, Большой и Малой Ижморах и Ушинке наблюдается интересное наложение двух переходов друг на друга: *духовного на социальный*. Во время *посада и венчания невеста переживает пик свадебной лиминарности*, входя в зону *потустороннего*, о чем говорят ее *печальные одежды*, *отгороженность от мира* посредством *головного покрывала и распущенные волосы*. Одновременно с этим *начинает меняться ее социальный статус* — в *костюмном комплексе* появляется элемент, который в *данной локальной традиции* имеет право носить только *замужняя женщина* — *понева* [11, с. 59–62]. Однако, *понева*, являясь *знаком социальным*, в то же время *маркирует духовное состояние* — *понева о 3-х яргах* считается *печальной* (иллюстрация 2). В Сядемке, Красной Дубраве и Кириллово семантика *понева* иная. Она является *знаком смены социального статуса до свадьбы* — в этих селах ее могли носить *девушки на выданье*.

¹³ Нагрудная одежда. Строчная галянка — с белой строчевой вышивкой.

¹⁴ Хата — вариант произношения слова «фата».

¹⁵ Под *яргой* подразумевается горизонтальная узорная полоса со свастичным орнаментом.

Иллюстрация 2 — «Печальная» понева «о трех яргах». С. Вяземка Керенского уезда Пензенской губернии. Конец XIX – начало XX в.
 Фотоархив автора: Земетченский районный краеведческий музей. Земетчино, 2019
 Figure 2 — “Sad” Poneva “with three iargas”. Penza Province, Kerensk County, Viazemka Village. The Late 19th – Early 20th Centuries.
 The Author’s Photo Archive: Zemetchino Regional Museum of Local Lore. Zemetchino, 2019

В данных селах посад предваряется ярким баннным обрядом. Он совершается под грохот кос (Сядемка, Красная дубрава) или печных заслонок, украшенных лентами (Кириллово). Голова невесты покрыта, когда та идет в баню и из бани, при этом ее сопровождает крестная. На этом этапе начинает меняться прическа невесты, и когда ей расплетают девичью косу, она «*вопит*» и причитает. После бани в Красной дубраве девушку убирают на посад в *рубашу с репьем*¹⁶ [10, с. 46], *поневу-восьмиглазку*¹⁷ (полагается на дни печали) и другие одежды. Невесту-сироту одевают в кручинные одежды более высокой степени печали. В Кириллово посадская одежда невесты называется «*кручинная сряда*».

В целом в исследуемых регионах наблюдается одинаковое восприятие духовного перехода и разное — перехода социального. Во всех исследуемых селах на лиминарном этапе невеста находится в состоянии печали. При этом в Секирино, Чернаве, Сядемке, Кириллово, Красной дубраве социальный статус невесты остается прежним — девичьим, а в Вяземке, Большой и Малой Ижморах, Ушинке невеста постепенно приобретает статус замужней женщины — «молодухи», «бабы».

Таким образом, анализ лиминарного этапа свадебного цикла позволяет выявить некоторые его особенности. Основными символами предметного семиотического кода данного периода и данного региона являются закрытое лицо невесты, покрытая голова и распущенные волосы, а также печальные или кручинные одежды (иллюстрация 3). В этот период невеста словно чужая в этом мире — ее одевают (а не она одевается), ее везде сопровождают; она словно неприкасаема — на главных обрядах лиминарного этапа ее часто водят за платочек, не прикасаясь непосредственно к телу. Многие исследователи соотносят «*вопление*», причитания невесты и ее окружения с причитаниями

¹⁶ Репей — узорный элемент, представляющий собой ромб с продленными концами.

¹⁷ Глаз — одна клетка. Восьмиглазкой считается понева, сделанная из полотен, на каждом из которых по ширине располагается узор в 8 клеток.

по покойнику, банный обряд — с обмыванием умершего, а ритуальное покрывание лица считается знаком отделения от внешнего мира [4, с. 97]. Также обычно свадебный костюм невесты или какой-то его элемент хранятся на смерть, чтобы одеть их в последний путь. Предметный, вербальный, акциональный и др. коды говорят о том, что символическая смерть невесты в народном сознании семиотизируется по аналогии с физической смертью.

Иллюстрация 3 — «Печальные сухие» рубахи. С. Сядемка Спасского уезда Тамбовской губернии. Конец XIX – начало XX в.
 Фотоархив автора: частное собрание П.И. Кутенкова, 2018
 Figure 3 — “Sad arid” shirts. Tambov Province, Spassk County, Syademka Village. The Late 19th – Early 20th Centuries.
 The Author’s Photo Archive: P.I. Kutenkov Private Collection, 2018

Постлиминарный этап. *Добрая одежда.* После посада или после венчания (если таковое совершалось) происходит смена головного убора, прически, а также всего костюмного комплекса. Новый костюмный комплекс обозначается как добрый, *поддобрый, веселый* [8, с. 50], *красный, праздничный* и полагается по статусу замужней женщине — *молодухе, молодой бабе*.

В Секирино после обряда «встречи молодых», которые приезжают с венчания, их провожают в отдельное помещение (в клеть, в баню и т. п.). Там совершается обряд «повивания» невесты. Крестные заплетают ей *две косы*, делая *рога* на висках, надевают *сорочку с кичкой*. Данный головной убор в начале XX в. почти исчез и был заменен на *платки*, повязываемые особым образом. Также на невесту надеваются *палеты*¹⁸, *занавеска* и *понева* [3; 22, с. 1161]. Пакрышку, которая закрывала невесте лицо на предыдущем этапе, снимают, когда садятся за стол после венчания [12, с. 57–58].

В Чернаве после венчания и встречи молодых невесту переодевают в *бабью наряд*, снимают с нее *шушку*, которую можно будет надеть уже только в глубокой старости, оставляют *подставки* и надевают *атласы* [14, с. 51]. Прическа невесты меняется на прическу замужней женщины — *кагачи*¹⁹. В Чернаве также совершается *поневный* обряд: невесту могут облачать в несколько *понев*, до 3-х штук, но первую надевает жених [14].

¹⁸ Рубаха, часто выполненная из сатина красных оттенков, с прямоугольными украшениями на плечах — палетами.

¹⁹ Две косы, из которых накручивались рога на висках.

В Вяземке после венчания (это может быть первый или второй день свадьбы) прямо в церкви происходит обряд *заплетания кос* и надевания *рогатой кички*²⁰. В этот же день невесту переодевают в праздничную одежду: *рубаху с красными паликами*²¹, *понева об одиннадцати яргов, нагрудник, красный запон, гайтан, ожерелок, бусы, хаток, атласовый платок* — все одежды называются *добрыми* или *красными*, а весь костюмный комплекс — *посвятницей* [11, с. 36].

В Большой Ижморе после венчания, которое совершалось не всегда, происходит обряд *заплетания кос* и одевания *рогатой кички* либо в церковной караулке, либо уже в доме жениха. При этом невеста все так же *покрыта покрывалом*, снятие которого происходит во время специального обряда также в доме жениха.

В Ушинке также после венчания меняется головной убор невесты — вместо полотенца со свастичными узорами голова невесты покрывается *большим красным платком до земли*, надевается также классическая для данного района *рогатая кичка*. В конце дня невеста переодевается из печальных одежд в *красные, добрые*.

В Сядемке после венчания (если оно было), крестные заплетают *две косы* и надевают *повойник*. Повойник в Сядемке сменил некогда бытовавшую здесь *рогатую кичку*. В этот же день кручинная посадская сряда заменяется на *веселую, добрую бабью* [12, с. 41]. В Красной дубраве после венчания невесте заплетают *две косы*. Ближе к вечеру она переодевается в бабьи *виселые* одежды и надевает *двурогую кичку* [11, с. 84–86]. В Кириллово происходил обряд округивания — заплетание *двух кос* и покрывание головы *повойником* [11, с. 84–86].

Таким образом, предметный код постлиминарного этапа исследуемых локальных традиций говорит об изменении в духовном и социальном статусах невесты. После долгого процесса «умирания», самой «смерти» и временного нахождения девушки в ином мире происходит ее возрождение в мире живых в качестве замужней женщины (молодухи, молодой бабы). В целом в исследуемых регионах наблюдается разное восприятие духовного и социального статусов. В Секирино и Чернаве духовный статус меняется резко и одновременно с социальным, в Вяземке, Большой и Малой Ижмо-рах, Ушинке — сначала начинает постепенно меняться социальный статус (одевается печальная бабья понева). В Сядемке, Красной дубраве, Кириллово наблюдается иная картина — здесь понева обозначает не социальный статус замужней женщины, а статус девушки на выданье. Таким образом, один и тот же семиотический элемент (понева) обозначает разное в различных семиотических системах. Однако есть вероятность, что во время лиминарного этапа его смену обозначает какой-то другой элемент одежды.

Главными маркерами границы конца лиминарного (смерти невесты) и начала постлиминарного этапа (возрождения невесты) свадебного цикла являются *перемена прически* (девичья коса меняется на распущенные волосы, которые в свою очередь меняются на две косы, уложенные на голове в виде рогов); *одевание рогатой кички* (платка, повойника); обрядовое снятие головного покрывала, *смена печальной и кручинной одежды* белых и темных оттенков на *добрую, веселую красных и других ярких цветов* (иллюстрации 4–5).

²⁰ Головной убор, напоминающий рога. Кичку полагается носить молодым замужним женщинам до рождения первого ребенка.

²¹ Палик — элемент кроя, располагается в районе плеча.

Иллюстрация 4 — Свадебный женский послепосадский костюм. С. Ушинка Керенского уезда Пензенской губернии. Конец XIX – начало XX в. [10, с. 62]
Figure 4 — Wedding Posleposad Costume. Penza Province, Kerensk County, Ushinka Village. The Late 19th – Early 20th Centuries [10, p. 62]

Иллюстрация 5 — «Добрые веселые сряды». С. Сядемка Спасского уезда Тамбовской губернии. Конец XIX – начало XX в.
Фотоархив автора: частное собрание П.И. Кутенкова, 2018
Figure 5 — “Fine Merry” Shirts. Tambov Province, Spassk County, Syademka Village. The late 19th – Early 20th Centuries.
The Author’s Photo Archive: P. I. Kutenkov Private Collection, 2018

Заключение

Свадьба южнорусского села конца XIX – начала XX вв. может рассматриваться как обряд перехода жизненного цикла, каждый этап которого (прелиминарный, лиминарный, постлиминарный) маркируется специальной обрядовой одеждой. Одна из основных задач обрядов свадебного цикла заключается в том, чтобы обеспечить невесте безопасный и успешный переход из статуса девушки в статус замужней женщины. Он осуществляется посредством перехода духовного — символической смерти

(мотив «умирание-смерть-возрождение»), которая семиотизируется аналогично физической смерти (костюмные комплексы и/или их элементы могут использоваться как погребальная одежда).

Общие принципы маркирования перехода:

- 1 изменение цвета одежды — белые, темные оттенки меняются на яркие, часто с преобладанием красного;
- 2 количество декора на одежде (орнамента и украшений) на прелиминарном и лиминарном этапах — минимально, на постлиминарном — максимально;
- 3 смена «печальной» одежды на «добрую» («веселую»);
- 4 смена девичьего костюмного комплекса, в который входит головной убор и прическа, на костюмный комплекс замужней женщины;
- 5 от закрытого лица к открытому.

Социальный переход маркируется девичьей/женской одеждой, духовный переход — печальной/доброй (веселой) одеждой. Духовный переход в исследуемых регионах воспринимается одинаково, социальный — по-разному (может или происходить одновременно с духовным или начинаться уже на лиминарном этапе).

В разных семиотических системах (селах) один и тот же символический элемент свадебной мифоритуальной сферы может обладать разным значением (например, понева может обозначать и статус девушки на выданье, и статус замужней женщины). Также, один и тот же символический элемент в рамках одной семиотической системы может принадлежать сразу к двум категориям пространства мифа и ритуала (например, понева может быть и социальным знаком, и знаком духовного состояния). При этом символическим элементом могут являться не только отдельные предметы одежды, но также их комплектация и определенная последовательность смены нескольких комплектов.

Исследование также показывает, что, несмотря на эволюцию семиотического статуса традиционного костюма, которая происходила в это время в масштабах всей страны, свадебный костюмный комплекс (который также мог быть использован в похоронно-поминальной обрядности) не претерпел значительных изменений. Трансформации могли подвергаться отдельные его элементы (например, головной убор), но в первой трети XX в., включающей советский период, практически весь комплект сохранял свою целостность.

Таким образом, в целом семиотический анализ свадебных костюмных комплексов позволяет рассматривать одежду как духовно-культурный феномен и свидетельствует о тесной связи духовной и социальной сфер южнорусского села конца XIX — начала XX вв.

Список литературы

Исследования

- 1 Бернштам Т. А. Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л.: Наука, 1982. С. 43–66.
- 2 Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 198 с.
- 3 Гайдуков А. В., Скачкова Е. Ю. Одежда и священные знаки в воззрениях современных родноверов (по материалам социологического исследования) // Знаки

- и знаковые системы народной культуры — 2019. Мат. IV Междунар. научн.-практич. конф. СПб.: Смольный институт РАО, 2019. С. 282–293.
- 4 *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
 - 5 *Гура А. В.* Посад // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 183–186.
 - 6 *Гура А. В.* Свадебный обряд // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 544–547.
 - 7 *Добровольская В. Е.* Функции традиционного костюма в современной России // Русская старина. 2016. № 4 (20). С. 313–321.
 - 8 *Жигулева В. М.* Женский траурный костюм конца XIX – начала XX века Пензенской и Тамбовской губерний (по материалам экспедиций 1981–1991 годов) // Народный костюм и современная молодежная культура / под ред. Н. В. Мальцева, Е. И. Ружниковой, И. И. Шангиной. Архангельск: Правда Севера, 1999. С. 158–170.
 - 9 *Жигулева В. М.* Русская традиционная культура конца XIX – начала XX вв. (по материалам крестьянской одежды Пензенской и Тамбовской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 188 с.
 - 10 *Жигулева В. М., Иванова Л. Н.* Русский народный костюм // Народный костюм Пензенской губернии конца XIX – начала XX вв. Пенза: Пеликан, 2005. С. 18–161.
 - 11 *Кутенков П. И.* Великорусская женская сряда. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. 288 с.
 - 12 *Кутенков П. И.* Обряды и одежда русского народа. Знаковая письменность. М.: Осознание, 2017. 464 с.
 - 13 *Кутенков П. И.* Свадьба великорусов. Вяземская и сядемская родовые культуры. СПб.: Петрополис, 2015. 209 с.
 - 14 *Кутенков П. И.* Южнорусская народная одежда. Чернавская крестьянская родовая культура. Конец XIX–XX вв. СПб.: Комиссия научного туризма Русского географического общества, 2011. 288 с.
 - 15 *Лебедева Н. И.* Научные труды: в 2 т. // Рязанский этнографический вестник. 1996. Т. 2. 200 с.
 - 16 *Левкиевская Е. Е.* Народная одежда. Семантика и прагматика // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 135–144.
 - 17 *Прилуцкий А. М.* О типологии семиотического дрейфа в пространстве религиозного дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 2. С. 51–55.
 - 18 *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба (довенчальные ритуалы и таинство венчания): в 3 т. // Рязанский этнографический вестник. 2015. № 56. Т. 1. 261 с.
 - 19 *Скачкова Е. Ю.* Семиотика русской народной одежды как религиоведческий источник // IV Конгресс Русского религиоведческого общества. «Кто знает одну, не знает ни одной»: сравнительное религиоведение полтора века спустя. Тезисы. С. 87. URL: <https://rro.org.ru/wp-content/uploads/2021/04/IV-Congress-2020-Abstracts.pdf> (дата обращения 26.01.2022).

- 20 Шангина И. И. Русская свадьба: история и традиция. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 480 с.

Источники

- 21 Глебушкин С. А. Рязанская область // Коллекция. Рязанская область. URL: <http://www.glebushkin.ru/collection/ryazan> (дата обращения: 28.01.2022).
- 22 Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества: в 3 т. / под ред. Д. К. Зеленина. Петроград: Императорское Русское географическое общество, 1916. Т. 3. 1881 с.

© 2023. Elena Iu. Skachkova
St. Petersburg, Russia

**WEDDING CEREMONIAL CLOTHING
AS A PHENOMENON OF RUSSIAN VILLAGE SPIRITUAL CULTURE
IN THE LATE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES:
SEMIOTIC ASPECT**

Abstract: Traditional clothing was an integral attribute of the spiritual and cultural space of a Russian village until the 20th century. In connection with the destruction of traditional and the subsequent resemanticisation of folk clothing in the 19th – 21th centuries, there was a need to clarify the main spiritual and cultural content of a traditional costume. Wedding ceremonial clothing was chosen as the object of research due to its high semiotic status and good preservation, which provides extensive research field. The empirical basis of the work consists of ethnographic descriptions of the studied origin regions of wedding suit, private collections, museum funds and the photo archive of the author, formed as a result of expeditions 2018–2019. The article considers the totality of all wedding sets of bride's clothes as a unified semiotic system. The context of this phenomenon is an entire syntagmatic sequence of wedding ceremonies, starting from matchmaking and ending with the last day of a wedding. The wedding in this case is considered as a rite of passage of a life cycle, the main leitmotif of which is the process of “dying-death-rebirth”. Special costume sets mark all stages of the passage (preliminary, liminary, postliminary): “sad” and “grief” clothes are gradually replaced by “kind”, “cheerful”, white and dark shades are replaced by bright, often in red, and, in general, the semantics of death is replaced by the semantics of life. The study also shows that wedding cultures of different villages represent different semiotic systems that function on the basis of a single principle of passage, but some of its aspects and symbolization may be different. At the same time, a complex relationship between the social and spiritual levels of passage is realized, the markers of which may be different characteristics of the same costume complex. In general, the semiotics of wedding ceremonial clothing testifies to the unity of the spiritual and social spheres of a Russian village in the 19th – 20th centuries.

Keywords: Semiotics, Semiotics of Clothing, Rites of Passage, Wedding Ritual, Wedding Clothing, Liminary, Spiritual Culture.

Information about the author: Elena Yu. Skachkova — Postgraduate Student, Member of the Russian Geographical Society, Member of the Russian Religious Studies Society, Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika River Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2446>

E-mail: e.iu.skachkova@gmail.com

Received: February 16, 2022.

Approved after reviewing: March 23, 2022

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Skachkova, E. Yu. “Wedding Ceremonial Clothing as a Phenomenon of Russian Village Spiritual Culture in the Late 19th – First Half of the 20th Centuries: Semiotic Aspect.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 118–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-118-134>

References

- 1 Bernshtam, T. A. “Obriad ‘rasstavanie s krasotoi’ (K semantike nekotorykh elementov material'noi kul'tury v vostochnoslavianskom svadebnom obriade)” [“The Rite of “Parting with Beauty” (To the Semantics of Some Elements of Material Culture in the East Slavic Marriage Ceremony)”. *Pamiatniki kul'tury narodov Evropy i evropeiskoi chasti SSSR [Cultural Memorials of the Peoples of Europe and the European Part of the USSR]*. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 43–66. (In Russian)
- 2 Gennep, A. van. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov [Rites of Passage. System Studying of Rites]*. Moscow, Vostochnaia literatura RAS Publ., 1999. 198 s. (In Russian)
- 3 Gaidukov, A. V., Skachkova, E. Yu. “Odezhda i sviashchennye znaki v vozzreniiakh sovremennykh rodoverov (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia)” [“Clothing and Sacred Signs in Views of Modern Pagans (Bases on Sociological Study Materials)”. *Znaki i znakovye sistemy narodnoi kul'tury — 2019. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Signs and Sign Systems of Folk Culture — 2019. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference]*. St. Petersburg, Smol'nyi institut RAO Publ., 2019, pp. 282–293. (In Russian)
- 4 Gura, A. V. *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: semantika i simbolika [Marriage and Marriage Ceremony in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]*. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 s. (In Russian)
- 5 Gura, A. V. “Posad” [“The Rite of Posad”]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.]*, vol. 4, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, pp. 183–186. (In Russian)
- 6 Gura, A. V. Svadebnyi obriad [“The rite of Marriage”]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols.]*, vol. 4, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, pp. 544–547. (In Russian)
- 7 Dobrovol'skaia, V. E. “Funktsii traditsionnogo kostiuma v sovremennoi Rossii” [“Functions of Traditional Costume in Contemporary Russia”]. *Russkaia starina*, no. 4 (20), 2016, pp. 313–321. (In Russian)
- 8 Zhiguleva, V. M. “Zhenskii traurnyi kostium kontsa XIX – nachala XX veka Penzenskoi i Tambovskoi gubernii (po materialam ekspeditsii 1981–1991 godov)”

- [“Women's Mourning Costume in the Late 19th – Early 20th Centuries of the Penza and Tambov Provinces (based on the Materials of the Expeditions of 1981–1991)”]. *Narodnyi kostium i sovremennaia molodezhnaia kul'tura [Folk Costume and Modern Youth Culture]*, ed. by N. V. Mal'tsev, E. I. Ruzhnikova, I. I. Shangina. Arkhangel'sk, Pravda Severa Publ., 1999, pp. 158–170. (In Russian)
- 9 Zhiguleva, V. M. *Russkaia traditsionnaia kul'tura kontsa XIX – nachala XX vv. (po materialam krest'ianskoi odezhdy Penzenskoi i Tambovskoi gubernii) [Russian Traditional Culture in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of Peasant Clothing of the Penza and Tambov Provinces): PhD Dissertation]*. Penza, 2005. 188 p. (In Russian)
- 10 Zhiguleva, V. M., Ivanova, L. N. “Russkii narodnyi kostium” [“Russian Folk Costume”]. *Narodnyi kostium Penzenskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vv. [Folk Costume of the Penza Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]*. Penza, Pelikan Publ., 2005, pp. 18–161. (In Russian)
- 11 Kutenkov, P. I. *Velikorusskaia zhenskaia sriada [The Great Russian Women's Costume]*. St. Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv Saint Petersburg State University Publ., 2010. 288 p. (In Russian)
- 12 Kutenkov, P. I. *Obriady i odezhda russkogo naroda. Znakovaia pis'mennost' [Rites and Clothing of the Russian People. Sign Writing]*. Moscow, Osoznanie Publ., 2017. 464 p. (In Russian)
- 13 Kutenkov, P. I. *Svad'ba velikorusov. Viazemskaia i siademskaia rodovye kul'tury [Wedding of the Great Russians. Family Cultures of Viazemka and Siademka Countryside]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2015. 209 p. (In Russian)
- 14 Kutenkov, P. I. *Iuzhnorusskaia narodnaia odezhda. Chernavskaia krest'ianskaia rodovaia kul'tura. Konets XIX–XX vv. [South Russian Folk Clothing. The Family Culture of Chernava Countryside. Late 19th – 20th Centuries]*. St. Petersburg, Komissiiia nauchnogo turizma Russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 2011. 288 p. (In Russian)
- 15 Lebedeva, N. I. “Nauchnye trudy: v 2 t.” [“Scientific Works: in 2 Vols.”]. *Riazanskii etnograficheskii vestnik*. Vol. 2. 1996. Vol. 2. 200 p. (In Russian)
- 16 Levkieskaia, E. E. “Narodnaia odezhda. Semantika i pragmatika” [“Folk Clothing. Semantics and Pragmatics”]. *Kody povsednevnosti v slavianskoi kul'ture: eda i odezhda [Codes of Everyday Life in Slavic Culture: Food and Clothing]*, ex. ed. N.V. Zlydnev. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2011, pp. 135–144. (In Russian)
- 17 Prilutskii, A. M. “O tipologii semioticheskogo dreifa v prostranstve religioznogo diskursa” [“On the Typology of a Semiotic Drift in the Space of Religious Semiosis”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, Series: Filologiya [Philology], no. 2, 2018, pp. 51–55. (In Russian)
- 18 Samodelova, E. A. “Traditsionnaia riazanskaia svad'ba (dovenchal'nye ritualy i tainstvo venchaniia): v 3 t.” [“Traditional Ryazan Marriage (Pre-wedding Rituals and the Sacrament of Wedding): in 3 Vols.”]. *Riazanskii etnograficheskii vestnik*. No. 56. Vol. 1. 2015. 261 p. (In Russian)
- 19 Skachkova, E. Iu. “Semiotika russkoi narodnoi odezhdy kak religiovedcheskii istochnik” [“Semiotics of Russian Folk Clothing as a Religious Studies Source”]. *IV Kongress Russkogo religiovedcheskogo obshchestva. «Kto znaet odnu, ne znaet ni odnoi»: sravnitel'noe religiovedenie poltora veka spustia. Tezisy [IV Congress of the Russian Religious Studies Society. “Who Knows One, does not Know Anyone”:*

- Comparative Religious Studies a Century and a Half Later. Theses*. P. 87. Available at: <https://rro.org.ru/wp-content/uploads/2021/04/IV-Congress-2020-Abstracts.pdf> (Accessed 26 January 2022). (In Russian)
- 20 Shangina, I. I. *Russkaia svad'ba: istoriia i traditsiia [Russian Marriage: History and Tradition]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2017. 480 p. (In Russian)